

ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ РѢКИ ЗАРАВШАНА.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ).

Глава I.

Въ Каратегинскомъ бекствѣ.—Горцы.

— И вы снова ѣдете?

— Неужели не надоѣли вамъ эти поѣздки по дебрямъ и пустынямъ?

— Куда же ѣхать рѣшили на этотъ разъ? Со всѣхъ сторонъ спрашивали меня знакомые, услышавъ о моемъ предполагавшемся отъѣздѣ.

— Завтра въ Гармъ, а дальше по Заравшану, начну съ его истоковъ и проберусь внизъ до песковъ Кара-Куля.

Часть этихъ мѣстъ мало изслѣдована и представляетъ значительный интересъ, отвѣчалъ я, занимаясь укладкою вещей въ приспособленные для вьючной дороги хуржумы и ягтаны.

Сильный конь карабаирской породы долженъ былъ довести меня до Гарма, гдѣ уже заранѣе были приобрѣтены двѣ горныхъ лошади для переѣздовъ по горнымъ тропинкамъ.

— Когда нибудь навѣрное себѣ голову сломаете въ этихъ проклятыхъ горахъ, напутствовалъ меня горный инженеръ Ж., про-

щаясь недалеко отъ Гарма, который уже скрывался изъ глазъ и лишь едва виднѣлся гдѣ-то въ дали быстрый Сурхабъ, исчезавшій среди глубокихъ ущелій.

Служившій когда-то милиционеромъ въ русскихъ войскахъ при завоеваніи края, таджикъ Нуретдинъ ѣхалъ со мною въ качествѣ вѣстового и переводчика.

Крѣпкая горная небольшого роста лошадка смѣло шла, увѣренно ступая по узкой тропинкѣ, направлявшейся къ кишлаку Шульмаку. Другая подъ вьюкомъ была въ рукахъ Нуретдина, державшаго ее на длинномъ поводѣ.

Шестидесятилѣтній старикъ-таджикъ съ длинною, какъ снѣгъ, бородою держался на сѣдлѣ крѣпко и красиво, какъ молодой. Лишь его большіе черные глаза смотрѣли на свѣтъ Божій немного устало.

Ловко пригнанныхъ два чемодана-ягтана, переброшенные съ обѣихъ сторонъ лошади съ подложенной подъ нихъ войлочной кошмой и небольшими коврами сверху, составлявшими постель, были всѣмъ тѣмъ багажемъ, который вмѣстѣ съ хуржумами, притороченными къ сѣдлу, могъ понадобиться въ долгой дорогѣ.

Горы Вахшскаго хребта тянулись на юго-западъ, а на востокѣ, бѣлѣя своими снѣговыми шапками и искрясь на солнцѣ, будто огромныя сахарныя головы, виднѣлся главный массивъ хребта Петра Великаго. На сѣверѣ поднимались Заравшанскія горы, сіяя огромными залежами вѣчныхъ снѣговъ. Картина была дивно хороша и просилась на полотно.

Въ складкахъ предгорій виднѣлись кишлаки, расположенные по ущельямъ. Горные ручьи съ холодной и свѣтлой, какъ кристалль, водою падали съ шумомъ въ расщелины, окруженные порослью боярышника, дикихъ яблонь и грушъ. Угрюмыя и непривѣтливья лица горцевъ, изрѣдка попадавшихъ намъ навстрѣчу, невольно обращали на себя вниманіе отличительнымъ типомъ, мало похожимъ на лица жителей равнины.

— Какой это народъ, Нуретдинъ, не знаешь ли ты?

— Здѣсь вездѣ живутъ, тюра, особые люди, ихъ всѣ называютъ гальча, только они, хотя и мусульмане, но не такіе, какъ всѣ.

— А ты самъ тоже изъ этого народа?

— Да, тюра, это всѣ мои родичи... Старики у насъ рассказываютъ, что народъ нашъ прежде жилъ очень далеко и пришелъ сюда съ Сикандеромъ Руми ¹⁾ и потомъ остался въ здѣшнихъ го-

рахъ, когда Сикандеръ умеръ. Насъ очень много и мы живемъ отдѣльно отъ всѣхъ.

Я вспомнилъ спорный вопросъ о происхожденіи этого племени, относимаго одними къ древне-иранцамъ, будто бы сохранившимъ въ трудно-доступныхъ горахъ едва ли не въ чистомъ видѣ древній персидскій языкъ, которымъ говорило все почти населеніе персидскаго государства, во время Дарія Гистаспа, а другими считающагося народностью, пришедшей откуда-то съ равнинъ во время завоеванія Александра Македонскаго.

Значительное число среди нихъ людей со свѣтлыми глазами, русыми и рыжеватыми волосами во всякомъ случаѣ служить подтвержденіемъ предположенія, что это какая-то совершенно особая народность, ничего не имѣющая общаго съ узбеками и киргизами долиной Бухары. Глубокія долины, отдѣленные трудно проходимыми, а мѣстами и совершенно недоступными горными хребтами, создали такое положеніе, что жители одной долины, почти не встрѣчаясь съ сосѣдними, говорятъ въ каждой своимъ особымъ отличительнымъ нарѣчіемъ, представляющимъ многіе характерныя особенности, благодаря которымъ люди одного племени, но изъ далеко отстоящихъ мѣстъ, зачастую плохо понимаютъ другъ друга. Сравнительно небольшое число лингвистическихъ работъ, касающихся нарѣчій «гальча», еще неполнѣ достаточно выяснило данныя объ языкѣ этого племени и соотношеніяхъ его съ другими арійскими языками. Но надо полагать, что въ немъ встрѣчаются многіе общіе со славянскими языками корни и для русскаго уха какъ-то особенно являются близкими нѣкоторыя слова, имѣющія одинаковое значеніе съ понятіями славянскихъ народностей.

Разбросанныя въ Каратегинскомъ, Дарвазскомъ бекствахъ Восточной Бухары, а также въ Авганскихъ провинціяхъ въ Бадахшанѣ, Шугнанѣ и Рушанѣ, гальча находится въ значительномъ числѣ и въ нагорной части верховьевъ рѣки Заравшана, входящей въ предѣлы Самаркандской области. Безправное положеніе населенія въ бухарскихъ владѣніяхъ почти не положило отпечатка на этихъ горцевъ, сохранившихъ за своими высокими горами свою самобытность. Немного угрюмые по наружности, но смѣлые по характеру и трудолюбивые земледѣльцы, они являются едва ли не лучшими представителями земледѣльческаго населенія Восточной Бухары, занимая по справедливости мѣсто гораздо выше кочевыхъ киргизскихъ и каракиргизскихъ племенъ.

¹⁾ Такъ называютъ горы Александра Македонскаго.

Переправившись по зыбкому мосту через горный потокъ противъ кишлака Туда, я невольно обратилъ вниманіе на этотъ примитивный мостъ, состоявшій изъ двухъ толстыхъ бревень, положенныхъ рядомъ съ берега на берегъ, съ насыпанною на нихъ землею вмѣсто настилки; отсутствіе перилъ и большая высота до дна ущелья, въ которомъ клубился и пѣнился быстрый ручей, заставляли съ большою осторожностью переходить на тотъ берегъ, ведя въ поводу лошадь, со страхомъ, нервно дрожа, переступавшую по полотну моста, не достигавшаго ширины одного аршина.

Мѣстами земля осыпалась и сквозь широкія щели виднѣлась темная глубина.

— Теперь пойдѣмъ на кишлакъ Дашти-рабатъ, а уже оттуда будетъ виденъ Пакшивскій переваль, тюра...

— А ты уже ходилъ по этой дорогѣ? задалъ я вопросъ, съ сомнѣніемъ посматривая на едва замѣтную тропинку, извивавшуюся по горному хребту и мало похожую на дорогу.

— Я, тюра, вѣдь недалеко отсюда родился и здѣсь же погребень мой отецъ и всѣ родичи въ кишлакѣ Пакшивѣ. Всякую дорогу я знаю, ходилъ по ней и молодымъ и старикомъ. Когда еще Ша-Муратъ Парваначи-Каратегинскій-Миръ былъ живъ, мнѣ пришлось первый разъ ѣхать сюда въ Гармъ; давно это было, больше 40 лѣтъ тому назадъ, тогда войска Русскаго Акъ-Падишаха взяли Самаркандъ, Пянджекентъ и воевали съ ханомъ Коканскимъ Пулатъ-Ханомъ и Каратегинскій Миръ-Ша-Магометъ-Рахимъ-Перваначи ему помощь оказывалъ. Я съ начала съ людьми Каратегинскаго Мира пошелъ противъ русскихъ въ Матчу, а потомъ, когда все сдѣлалось покойно и мы отъ русскихъ обиды не видали, поступилъ джигитомъ къ генералу Абрамову и вѣрно служилъ русскимъ больше пятнадцати лѣтъ.

Высокія снѣжныя горы поднимались со всѣхъ сторонъ, закрывая горизонтъ. Близна этихъ хребтовъ еще рѣзче отгнѣялась скалистыми темными вершинами небольшихъ переваловъ, расположенныхъ какъ бы на авансценѣ. Тропа вилась то по узкому карнизу, то перебрасывалась черезъ широкую горную сѣдловину, то снова опускалась внизъ въ мрачныя ущелья, среди которыхъ слышался запахъ сырости отъ воды горныхъ ручьевъ, извивавшихся между камнями, поросшими густымъ зеленоватымъ мхомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колосальные пласты известняковъ, вывернутые въ давнее время и поставленные на ребро, уходили въ недостижимую высоту, образуя узкія щели. Порою тропа совер-

шенно закрывалась нависшими сверху скалами и казалось, что дальше проѣхать уже невозможно. Но за поворотомъ снова открывалась узкая щель въ видѣ темнаго коридора съ отвѣсными стѣнами и мы вновь начинали подниматься по тропѣ вверхъ.

Осторожно ступая шагъ за шагомъ, подвигались впередъ привычные кони, и лишь выючная лошадь, шедшая подъ тяжелыми выюками, иногда оступалась, заставляя Нуретдина подбодрять ее длинными поводьями, которые онъ держалъ, пропустивъ подъ свою правую ногу.

— Сегодня мы пройдемъ еще немного и станемъ на ночлегъ вонъ въ томъ мѣстѣ, указалъ онъ на куртину деревьевъ, росшихъ среди котловины, окруженной со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалами. Дальше по темнотѣ ѣхать нехорошо, а, впрочемъ, какъ тюра прикажетъ, такъ и будетъ, поспѣшилъ онъ поправиться, увидавъ вопросъ на моемъ лицѣ.

— Здѣсь хорошо стоять за вѣтромъ, добавилъ онъ, видя мое согласіе и, остановивъ лошадей, быстро привязалъ ихъ на приколы и сталъ снимать выючные чемоданы. Разомъ вспыхнувъ, будто далекимъ пожаромъ, закатилось солнце и наступившая темнота усилилась за клубившимся туманомъ. Было сыро и холодно.

Небольшой костеръ, разведенный изъ сырыхъ сучьевъ, давалъ много дыма и плохо разгорался.

Поставивъ съ боку котелокъ съ варившимся въ немъ кускомъ баранины, Нуретдинъ съ ожесточеніемъ началъ раздувать огонь. Красивое лицо его, съ бѣлою длинною бородою, выступавшей изъ мрака и освѣщенное свѣтомъ костра, напоминало собою лица волшебниковъ, какими ихъ рисуютъ въ сказкахъ. Завернувшись въ бурку и подстлавъ подъ себя кошму, я былъ совершенно закрытъ отъ сырости, которая, въ видѣ мельчайшихъ капель, садилась на одежду. Бѣловатый туманъ клубился вокругъ, смѣшиваясь съ дымомъ костра, который, освѣщая стѣны котловины, оставлялъ въ темнотѣ открытую сторону.

— Ты, тюра, спи, а я буду сторожить; здѣсь и звѣря много и нехорошій народъ попадается—могутъ коней отогнать. Потомъ ну-керь будетъ сторожить, а я отдохну.

— Развѣ бываютъ случаи, что нападаютъ?

— Бываетъ часто, тюра. Если бы ты ѣхалъ въ своей военной одеждѣ, никто бы не смѣлъ тронуть, а теперь каждый, кто видѣлъ, думаетъ, ѣдетъ купецъ. Много людей по дорогамъ какъ шакалы бродятъ, отыскивая какъ бы поживиться чѣмъ можно... Теперь еще

стало тише, чѣмъ прежде, а все же случается. Хорошо еще, если не убьютъ, бываетъ, что и зарѣжутъ, какъ барана.

По другую сторону костра прилежь нукеръ, натянувъ сверху какую-то рваную кошму.

— Завтра, тюра, будемъ на Пакшивскомъ перевалѣ обѣдать, а пока здѣсь поужинаемъ—ужинъ готовъ.

Аппетитно пахнувшая баранина, сваренная съ какими-то душистыми травами, имѣла своеобразный вкусъ и мы быстро окончили съ солидной ляшкой и супомъ...

— Здѣсь прежде святой человѣкъ жилъ, даже и теперь осталась его пещера, указаль Нуретдинъ на виднѣвшуюся впадину въ скалѣ. Старые люди рассказываютъ, что хотѣлъ онъ сдѣлаться выше самаго Пророка передъ престоломъ Аллаха. Звали его Ходжа-Ибрагимъ, читаль онъ коранъ и былъ такой мудрый, что не было такого другого человѣка на свѣтѣ. Но и этого казалось ему мало; пошелъ онъ туда, гдѣ быстрый Сурхабъ, прорѣзавъ горы, разливается широко по долинѣ. Здѣсь началъ онъ учиться ходить по поверхности водъ по примѣру пророка Исы. Долго ему не удавалось, но, изнуривъ себя постами и молитвами, достигъ Ходжа-Ибрагимъ, что остался у него лишь духъ, а тѣло сдѣлалось легче воды и сталъ онъ тогда ходить по водамъ, а потомъ пришелъ къ пророку Магомету и сказалъ: «посмотри Хозреть, я Ходжа Ибрагимъ выше тебя» и прошелъ передъ его глазами чрезъ широкій водоемъ.

Задумался пророкъ и долго смотрѣлъ на Ходжу, а потомъ спросилъ:

— Какимъ образомъ ты выучился этому Ибрагимъ?

— Я, Хозреть, двадцать лѣтъ почти провелъ въ уединеніи, учась ходить на водахъ быстрого Вахша (Сурхаба).

— Какой ты несчастный человѣкъ, сказалъ тогда Магометъ. Подумайте, о люди, Ходжа заплатилъ 20-ю годами жизни за то, за что всѣ остальные уплачиваютъ перевозчику черезъ рѣку одну пулю²⁾.

Засмѣялись всѣ вокругъ и увидѣли, что нѣтъ равнаго Великому Пророку. И ушелъ Ходжа-Ибрагимъ со стыдомъ въ горы, проведя всю оставшуюся часть жизни въ молитвахъ и чтеніи корана.

Крѣпкій сонъ, несмотря на холодъ ночи, быстро перенесъ меня въ міръ грезъ.

²⁾ Пуля 1/4—коп.

Будто жужжаніе какого-то насѣкомаго долго еще доносился разговоръ Нуретдина съ нукеромъ.

Глава II.

Таджики.—Заравшанскій ледникъ.

Съ утра вставать было непріятно. Бѣлый туманъ окутываль всѣ окрестности, какъ-то особенно сильно сгустившись въ ущельи, гдѣ онъ казался плотною массою, которая, осѣдая на платьѣ, превращалась въ мелкія капли воды. Было и сыро и холодно. Костеръ уже потухъ и на едва тлѣвшихъ угляхъ съ большимъ трудомъ удалось разогрѣть чайникъ съ водою для чая.

Укладка всего во вьюкъ заняла нѣсколько минутъ и выпивъ по стакану горячаго чаю, мы вышли изъ впадины и стали подниматься шагъ за шагомъ на перевалъ.

— Вотъ это и есть Пакшивъ перевалъ, теперь черезъ него еще можно идти, а зимою нельзя. Больно много снѣга выпадаетъ и тогда не пройдешь черезъ него. Да и въ другое время года черезъ него рѣдко кто ходитъ потому, что тамъ за переваломъ уже русское начальство, а люди Каратегинскаго бекства живутъ по эту сторону перевала и тамъ въ Кагистанѣ дѣлъ не имѣютъ.

— Ну, а гдѣ же лучше жить для народа въ Каратегинѣ или Кагистанѣ?

— Ахъ, тюра, ты самъ знаешь. Тамъ уже русскій губернаторъ, русскій начальникъ, русскій шаріатъ (законъ), здѣсь бухарскій бекъ, былъ прежде шаріатъ—нѣтъ теперь шаріата. Трудно въ Каратегинѣ людямъ жить. Эмиръ беретъ, миръ (бекъ) беретъ, шахъ беретъ. Всѣ берутъ и никто ничего не даетъ...

Постепенно, гдѣ верхомъ, гдѣ слѣзая, поднимались мы на перевалъ. Моросилъ мелкій дождь и раскисшая глина затрудняла движеніе. Ноги лошадей скользили и вязли въ жирной лесовой почвѣ.

Тропа, мѣстами засыпанная обвалившейся землею, указывала, что по ней рѣдко совершаются движенія. Мѣстами дорожка шла по самому гребню, достигая ширины полуаршина и проходя надъ глубокими расщелинами, кое гдѣ на стѣнахъ которыхъ виднѣлся мелкій кустарникъ, корни котораго, будто змѣи, свѣшивались внизъ, слетаясь и образуя узловатыя соединенія. Снѣжная полоса уже началась и снѣгъ на перевалѣ лежалъ огромными сугробами.

Лишь часамъ къ 7 пополудни удалось подняться на самую высокую точку перевала и стать здѣсь же на отдыхъ среди снѣговъ. Впередѣ видѣлась долина Кагистана, а напротивъ, среди горъ, можно было разсмотрѣть кишлакъ Матча, стоявшій на правомъ берегу Заравшана.

Огромные снѣжные массивы Заравшанскаго ледника казались безконечной длины и ширины, сливаясь съ горизонтомъ и соединяясь съ ледникомъ Рама, образовывали собою полярную страну, съ вершинъ которой дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Темныя тучи закрывали до половины высоты снѣжные хребты, клубясь и какъ будто постоянно перемѣняя мѣста и окружая горы поясомъ непроницаемой завѣсы. Самыя вершины хребта поднимались выше тучъ и косою лучъ солнца, прорѣзывая темныя тучи, лилъ потоки свѣта, освѣщая небольшую часть снѣговыхъ пиковъ, искрившихся всѣми цвѣтами радуги на солнцѣ.

За Заравшанскимъ ледникомъ находится переваль Матча, который ведетъ въ Ферганскую область въ долину рѣки Сохъ, берущей свое начало изъ ледника Райгородскаго и направляющейся къ городу Кокану.

— Какой же здѣсь народъ живетъ? указаль я на видѣвшіеся въ складкахъ горъ небольшіе кишлаки.

— Здѣсь, тюра, также гальча и таджики. Люди они тихіе, живутъ и никого не трогаютъ, только иногда ихъ киргизы съ Алая обижаютъ.

Являясь племенами живущими среди трудно-доступныхъ горъ не одно тысячелѣтіе, совершенно изолированные отъ внѣшняго міра и другихъ народностей, таджики, принадлежа къ арійскому племени, сохранили въ полной чистотѣ и неприкосновенности свой древній языкъ и нравы, въ силу чего самая жизнь этой народности представляетъ собою высокой научный интересъ, въ виду сохранения ими, несмотря на длинный рядъ вѣковъ, своихъ обычаевъ, ведущихъ свое начало изъ сѣдой древности и оставшихся, благодаря изолированному положенію, и по настоящее время въ полной неприкосновенности. Для насъ всѣ эти мѣста представляютъ особый интересъ, такъ какъ здѣсь была страна, гдѣ жили когда то скифы, до выхода ихъ съ приамирскихъ странъ на равнины. И если признать, что эти скифскія племена были родоначальниками славянскихъ племенъ, то они являются особенно интересными для изученія. Отрицать же совершенно это происхожденіе врядъ ли возможно, въ виду цѣлаго ряда доказательствъ, начиная съ Приска,

у котораго описанія жилищъ Аттіловскихъ скифовъ прямо поражаютъ своимъ изумительнымъ сходствомъ съ нашею русскою древнею, благодаря бревенчатымъ избамъ того же типа въ срубъ съ украшеніемъ, въ видѣ рѣзбы по тесу, съ тесовыми же заборами и воротами, которые и понынѣ встрѣчаются въ русскихъ деревняхъ на сѣверѣ Россіи. Нельзя также не вспомнить, что не только рисунокъ вышивокъ, но самый наборъ въ нихъ цвѣтовъ въ приамирскихъ странахъ и на югѣ Россіи совершенно одинаковъ. И классическіе пѣтухи на полотенцахъ въ полтавской и другихъ малороссійскихъ губерніяхъ вполне тождественны съ такими же въ Шугнанѣ, Рушанѣ, Дарвазѣ и Каратегинѣ, между тѣмъ какъ даглѣ на всей Средне-Азіатской равнинѣ, нигдѣ такого характера и рисунка вышивокъ не встрѣчается.

Беря свое начало въ Заравшанскомъ ледникѣ около горы Кокъ-Су, рѣка Заравшанъ въ своихъ верховьяхъ носить названіе Матча и проходя по землямъ Матча и Ягнобу, носящихъ названіе Кагистана, вливается въ Самаркандскую область, принимая въ себя массу мелкихъ горныхъ ручьевъ, а также и рѣкъ Фанъ, Вору и Маганъ, образующихъ затѣмъ многоводную рѣку, дающую жизнь не только Самаркандской области, но и всей средней части бухарскихъ владѣній. Въ древности рѣка называлась Согдомъ, позднѣе, Когикомъ и лишь въ настоящія два, три столѣтія сдѣлалась извѣстною подъ названіемъ Заравшана, что въ переводѣ значитъ, рассыпатель золота. Хотя воды Заравшана и сносятъ съ собою съ вершинъ горъ значительное количество золотосныхъ песковъ, но все же самое названіе обязано не золоту, а тому сказочному плодородію, которымъ отличаются всѣ мѣста по теченію рѣки.

Тѣ колоссальныя урожаи, которые несмотря на обиліе саранчи, уничтожающей значительную ихъ часть, отличаютъ прирѣчную полосу, были прежде еще колоссальнѣе, создавая въ старину всему Заравшанскому краю славу земного рая, а въ настоящее время по справедливости заслуживъ названіе драгоценной жемчужины въ коронѣ Русскихъ Императоровъ.

Глава III.

Кышлакъ Матча.

Спускъ былъ еще хуже подъема.

Рискуя ежеминутно поскользнувшись слетѣть внизъ въ пропасть, мы, держа коней въ поводу, спускались съ перевала. Внизу гдѣ то далеко виднѣлся кышлакъ Матча, расположенный на правомъ берегу рѣки, которая, глубоко прорывъ свое русло въ толщѣ скалистыхъ горъ, съ шумомъ несла свои воды между огромными камнями, покрывавшими все дно рѣки, отмывала груды лѣса, набрасывая ихъ ниже, для того, чтобы вновь, съ особою яростью устремившись на эту преграду, вынести ее разомъ дальше, разбросавъ по скаламъ и образовавъ новыя отмели. Обрывистые берега отвѣсно спускались къ водѣ, а узкая тропинка, проложенная въ расщелинѣ, вела къ рѣкѣ, черезъ которую былъ переброшенъ живой мостикъ изъ бревенъ.

Нѣсколько таджиковъ, занятые рубкою кустарника, внимательно осмотрѣли насъ и затѣмъ, перебросившись нѣсколькими словами, также сосредоточенно принялись вновь за свою работу.

— Что ониговорятъ, Нуретдинъ?

— Сказали урусъ прѣхалъ. Лошадь хорошая, а на тюру не похожъ. Это отъ того, что платье на тюрѣ такое простое, какъ бы извняясь, добавилъ мой спутникъ.

— Русскіе тюры, что здѣсь бывали, всегда въ погонахъ, а такъ просто никто сюда не прѣзжаетъ. Киргизы, вотъ тѣ прѣзжаютъ изъ Алайской долины.

— Вонъ тамъ въ мечети мы отдыхать станемъ, указалъ онъ на темную, сложенную изъ булыжника на глинѣ постройку съ одной лишь входною дверью и небольшимъ надъ нею окномъ, закрытымъ деревянною рѣшеткою.

Перебравшись на противоположный берегъ и напоивъ лошадей изъ ручья, спадавшего сверху горы, мы поставили ихъ на приколы и вошли внутрь мечети. Черныя закопченныя стѣны и потолокъ всего помѣщенія пропитаны были рѣзкимъ запахомъ дыма. Нѣсколько циновокъ изъ камыша покрывали полъ и составляли всю обстановку мечети, въ которой, сидя на землѣ, виднѣлась группа туземцевъ, поднявшихся вмѣстѣ при нашемъ появленіи и затѣмъ, сказавъ селямъ, занявшихъ снова свои мѣста.

Разогрѣвъ чайникъ и занявшись чаепитіемъ, я сталъ наблюдать.

Чернобородый, красивый таджикъ, очевидно прѣзжій, составлялъ собою центръ группы, среди которой находились всѣ люди пожилые съ сильно посѣдѣвшими бородами.

— Такъ ты говоришь, что Аллахъ сотворилъ землю, но какъ же происходило это? задумчиво, поглаживая свою широкую бороду, спросилъ старикъ. Какъ все появилось на свѣтѣ? И почему Аллахъ творилъ одно прекрасное, а на свѣтѣ такъ много дурного?

— Нѣтъ, Кара-Джума, не Аллахъ творилъ дурное!..

— Когда онъ милосердный и милостивый, отдѣлилъ тьму отъ ночи и создалъ землю, онъ населилъ міръ животными и приказалъ имъ повиноваться человѣку, тогда чудныя растенія покрыли землю, служа для утѣхи и радости живущаго. Вездѣ все было прекрасно и на небѣ, и на землѣ, и на водѣ. Рѣки и моря, тихо колыхаясь своими волнами, потекли и стали орошать плодородную землю, а безгрѣшные люди жили среди земли, наслаждаясь и славя Аллаха за его доброту и могущество. Съ высоты лучезарнаго престола стоявшаго выше седьмого неба, созерцалъ Аллахъ землю, освѣщенную ласкающими лучами солнца. Радостно было у него на душѣ, когда до слуха его доносилась безпредѣльная благодарность всего живущаго. И захотѣлъ вознаградить всѣхъ на землѣ Аллахъ и послалъ главнаго Джинъ-Джиля³⁾ сейчасъ же исполнить волю его. Осѣнилъ небесный вѣстникъ землю своею тѣнью, людей и животныхъ и стали они славить величіе Аллаха; зашелестѣли деревья листвою, зацѣли птицы, застрекотали насѣкомыя; выплыли рыбы на поверхность воды; украсились горы драгоценными камнями, золотомъ и серебромъ. Дикіе звѣри среди лѣсовъ и степей просвѣтлѣли разумомъ и перестали вести войну другъ съ другомъ.

И всѣхъ благословилъ Джинъ-Джилъ, никого не забывъ изъ живущихъ на поверхности земли. Сложилъ онъ тогда свои бѣлоснѣжныя крылья и вновь улетѣлъ къ подножью лучезарнаго престола Аллаха, скрывшись въ голубомъ эфирѣ небесныхъ сферъ. Но не вспомнилъ Джинъ-Джилъ, что и подъ землею есть жизнь...

Въ глубокомъ ущельи начинался входъ въ темную, мрачную пещеру, гдѣ, скрываясь отъ горячихъ лучей солнца, разогрѣвающихся ей холодную кровь, скрывалась огромная змѣя. Забылъ Джинъ-Джилъ про нее и не осѣнилъ благостью Аллаха. И видѣла змѣя, какъ улеталъ въ сферы небесный вѣстникъ, и облилось сердце ея ядомъ злобы за несправедливость, ибо и она также славилась по

³⁾ Въ переводѣ Духъ-Вѣтеръ.

своему Аллаху. Поклялась змѣя отомстить за это и испортить творенія Аллаха.

Но Аллахъ всевѣдущій. Узналъ онъ, что Джинъ-Джилъ не исполнилъ его повелѣнїя и разгнѣвался на него, приказавъ ему отойти дальше и не приближаться къ престолу безъ зова. Съ печалью въ сердцѣ ушелъ Джинъ-Джилъ и, закрывшись бѣлоснѣжными крыльями, удалился на вершину высокой скалы, откуда сталъ наблюдать за жизнью земли, на которой среди всего прекраснаго осталось лишь одно озлобленное существо—змѣя, съ ожесточенїемъ то кусавшая людей и животныхъ, то своимъ ядомъ отравлявшая хрустальную воду озеръ и рѣкъ, дававшихъ жизнь растенїямъ. Постепенно стала блекнуть листва въ лѣсахъ, засохли деревья, появился моръ среди рыбъ, а потомъ стали умирать люди и звѣри, не находя воды для питья.

Съ ужасомъ созерцалъ Джинъ-Джилъ картину разрушенія сотвореннаго и крупныя слезы, будто драгоценныя алмазы, закапали изъ его свѣтлыхъ глазъ. И упала одна его слеза на землю, какъ разъ на то мѣсто, гдѣ лежала змѣя. Поймала эту каплю змѣя и насытила ее своимъ ядомъ и разомъ выросъ изъ нея самый страшный врагъ живого—голодь, сдѣлавшійся царемъ земли, уничтожая нивы, высушивая рѣки.

Тяжелую борьбу стали вести люди. Не уставая, засѣвали они снова поля, и земля давала изобилїе, съ которымъ не могъ бороться голодь и скоро наступило время тишины и довольствїя. Обрадовался тогда Джинъ-Джилъ и вновь слеза—но уже драгоценная слеза умиленїя—скатилась изъ его прекрасныхъ глазъ. Но и эту слезу насытила своимъ ядомъ змѣя и появился второй врагъ людей—ревность.

Все тогда на свѣтѣ измѣнилось. Люди стали ревновать другъ друга. Начались убійства, раздоры. Отлетѣла тишина отъ домашнихъ очаговъ. И звѣри послѣдовали примѣру людей. И птицы и рыбы. Вездѣ начала проливаться кровь. Уничтожались поля. Убивали люди людей, звѣри истребляли звѣрей. Птицы убивали птицъ. Все истребляло другъ друга и начало гибнуть живущее, охваченное ревностью.

Тогда не стерпѣло сердце Джинъ-Джиля и онъ, поднявшись въ небесныя сферы, упалъ къ подножію престола Аллаха и сталъ молить милосерднаго, милостиваго о прощенїи землѣ. Посмотрѣлъ милосердный на землю и затуманился его великій духъ. Со скорбью увидѣлъ онъ, что люди уже перестали быть такими свѣтлыми, ка-

кими ихъ онъ сотворилъ, а земля была темная — мертвая — холодная.

И сказалъ онъ тогда Джинъ-Джилю:

«Невѣрный рабъ, ты испортилъ землю, ты же и исправь все снова, какъ было».

Вновь расправилъ бѣлоснѣжныя крылья Джинъ-Джилъ и полетѣлъ онъ на землю, сбѣгая ее своею тѣнью. И разомъ на всей землѣ снова стало, какъ и прежде. Одѣлись деревья листьями, потекли рѣки, засіяли нестерпимымъ блескомъ озера и успокоились люди. Снова настала тишина на землѣ. Съ радостью въ сердцѣ поднялся Джинъ-Джилъ обратно въ небесныя сферы. Но отвернулъ свое лицо отъ него всевѣдущій, зная что тишина земли одинъ обманъ—пока жива змѣя.

Злоба свила у нея въ сердцѣ свое гнѣздо и не могла она видѣть довольствїя и покоя. Вновь стала она жамить людей и отравлять воду. Но люди уже умѣли предохранять себя отъ укусовъ, а ослабѣвшій отъ времени ядъ не мутилъ уже свѣтлыхъ водъ рѣкъ и озеръ. И въ безсилїи заплакала змѣя отъ досады—ничего не вышло изъ ея злобы. Осталась она одна на землѣ всѣми проклинаемая, нелюбимая, одинокая. И упала слеза ея на землю, смѣшалась съ желчью скорпіона, кровью фаланги и выросъ изъ этого новый врагъ живущаго—зависть, бывшая родной сестрой ревности. вмѣстѣ зажили сестры на землѣ, распространяя между людьми, звѣрями и птицами вражду. Постепенно вся земля заливалась потоками крови гнѣющими, разлагавшимися и уничтожавшими жизнь на землѣ.

И голодь снова ожилъ, присоединившись къ ревности и зависти. Потемнѣла земля,—настало безмолвіе и прекратилась прекрасная жизнь, чуть теплая еще кое гдѣ среди мертвой холодной земной поверхности. Не могло снести сердце Джинъ-Джиля гибели сотвореннаго и захотѣла его душа смерти. Тренища предсталъ онъ передъ всемогущимъ и палъ ницъ передъ престоломъ его.

Но новую землю въ далекихъ сферахъ уже создалъ въ это время всемогущій и отвергнулъ онъ лицо свое отъ прежде созданной. Взглянулъ онъ въ сердце Джинъ-Джиля и, видя его готовность умереть, сказалъ:

«Испорчено тобою созданіе мое и понесъ ты въ смятенїи духа наказанїе за него! И не хочу я, чтобы ты страдалъ, разрѣшаю тебѣ умереть среди земли, которая пусть останется такою же, какая есть!

И создалъ новую и все живущее будетъ умирать на старой землѣ и вновь возрождаться на новой для вѣчной жизни!

Умри!!»

Будто пораженный громомъ сложилъ Джинъ-Джилъ свои бѣло-снѣжные крылья и упалъ какъ камень на землю мертвымъ, а душа его покинула старую оболочку и взлетѣла въ безконечное пространство на новую землю.

И лежало на землѣ тѣло Джинъ-Джиля, но оставшіеся на землѣ люди, враждуя между собою, благодаря зависти, ревности и голоду, проходили мимо и никто не хотѣлъ предать землѣ этотъ прахъ. И только одна змѣя, увидѣвъ тѣло своего врага, подползла къ нему и, обвинившись вокругъ него, съ яростью вырвала сердце изъ груди его.

И, напившись кровью врага, опьянѣла змѣя отъ радости, ибо она побѣдила все... И съ тѣхъ поръ осталось зло на землѣ!!»

Глава IV.

Населеніе и его вѣрованія.

Старый сѣдобородый таджикъ вошелъ въ помѣщеніе и, сказавъ «селямъ», присѣлъ противъ насъ, смотря внимательно своими красивыми, будто у хищной птицы, глазами.

— Здѣшній аминъ ³⁾—указалъ на него Нуретдинъ.—Пришелъ узнать, какія мы люди и зачѣмъ пріѣхали въ ихъ сторону.

Аминъ приложивъ руку къ сердцу и, извинившись за причиненное безпокойство, быстро заговорилъ.

— Здѣсь много всякихъ людей ходятъ, а начальство приказываетъ и мы смотримъ за всѣми, чтобы не было народу какой-либо обиды. Теперь конечно не то, а прежде во время моей молодости много мы несчастій пережили, повѣривъ словамъ Каратегинскаго бека. Здѣсь вездѣ въ Кагистанѣ народъ жилъ вольный. Отъ Бухары далеко, а поэтому и самъ Эмиръ Бухарскій никогда раньше сюда своихъ людей не посылалъ. Мы сами выбирали здѣсь шаховъ и бековъ, которые и управляли Кагистаномъ. Но потомъ Аллахъ за грѣхи мусульманъ послалъ имъ наказаніе, отдавъ эти земли урусамъ. Но и урусы хорошіе люди и съ ними жить хорошо,—лучше чѣмъ съ прежними беками, обижавшими простой народъ. Нѣкоторые старики пробовали брать у ишановъ и муллъ отпущеніе грѣ-

ховъ, сдѣланныхъ отцами и дѣдами ихъ, но все-же помощи противъ урусовъ не получили.

— А какимъ же способомъ можно получить отпущеніе грѣховъ?

— Неужели тюра не знаетъ какъ? Разумѣется нужны для этого деньги и много денегъ. Лишь богатый человекъ можетъ получить прощеніе. И если онъ самъ или родственники его хотятъ это сдѣлать, то святые ишаны, получивъ плату, принимаютъ на себя всѣ его грѣхи и выдаютъ на это особый хатъ (бумагу). За все, что долженъ сдѣлать правовѣрный въ теченіе своей жизни, можно вмѣсто этого расплатиться деньгами и за неисполненные намазы и за посты, которые не выполнялъ, и за убійства, грабежи, неправильныя дѣла, за все можно рассчитаться и ишанъ, принявъ на себя грѣхи умирающаго или умершаго, даетъ возможность его душѣ перейти совершенно чистою въ иной міръ.

Есть такая книга, Джамуррамузъ называется. Въ ней все сказано, что надо сдѣлать...

Невольно мнѣ вспомнились индульгенціи, получившія такое широкое распространеніе въ средніе вѣка, благодаря духовенству католической церкви, и очевидно позаимствованныя съ Востока, гдѣ издавна практиковалась по законамъ религіи и замѣна наказаній наложеніемъ денежныхъ штрафовъ.

Населеніе Матчи, раскинувшейся на крутомъ берегу Заравшана, носящаго названіе рѣки Матчи, является большимъ таджикскимъ поселеніемъ, съ характерными глинобитными постройками самаго примитивнаго типа, сложенными изъ круглыхъ камней на глинѣ. Нѣсколько тутовъ вокругъ мечети составляютъ собою центръ, куда собирается населеніе, коротая досуги. Стада козъ виднѣются вокругъ на огромныхъ вершинахъ горъ, разыскивая себѣ кормъ на горныхъ склонахъ, кое-гдѣ покрытыхъ зеленою травой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются пашни, дающія обильные урожаи ячменя и пшеницы и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ не могущія прокормить собою населеніе, получающее тогда хлѣбъ изъ Каратегинскаго бекства.

Въ прежнее время здѣсь жили беки, получавшіе лишь утвержденіе въ своихъ должностяхъ отъ Каратегинскаго мира, съ которыми они были въ тѣсномъ родствѣ.

Присоединеніе всѣхъ земель по Заравшану къ Заравшанскому округу (нынѣ Самаркандской области) вынудило всѣхъ прежнихъ должностныхъ лицъ частью уйти въ Каратегинъ и Коканъ, а ча-

³⁾ Аминъ—староста.

стью превратиться въ аксакаловъ и волостныхъ правителей, утверждаемыхъ русскими властями.

— Спроси Нуретдинъ, когда жить было лучше — при русскихъ или прежде, когда надъ ними свой бекъ стоялъ? — задалъ я вопросъ аксакалу, желая узнать болѣе опредѣленные взгляды.

— Видишь, тюра, мы живемъ здѣсь отъ всѣхъ далеко. Хакимъ русский въ Пяндженектѣ. Здѣсь-же только волостной, котораго мы сами выбираемъ. Если онъ несправедливъ, то можемъ жаловаться и сейчасъ разберуть, кто правъ, кто виноватъ. Денегъ за разборъ дѣла не берутъ. А прежде на бека жаловаться было нельзя. Что онъ сдѣлаетъ, то и хорошо. Захочетъ жену взять — возьметъ. Захочетъ корову — возьметъ. Захочетъ наказать — накажетъ. И лишь Аллахъ съ высоты своего престола видѣлъ неправыя дѣла, ангелы ихъ записывали въ книги. Но только отъ этого людямъ не жилось легче...

До кишлака Пакшива старикъ все рассказывалъ о прежней жизни, переплетая свои воспоминанія съ впечатлѣніями поѣздки въ Самаркандъ еще во время губернаторства графа Ростовцева.

Дорога вилась надъ крутыми обрывами, подъ которыми внизу глухо шумѣлъ Заравшанъ, перекатываясь черезъ камни. Узкіе и глубокіе расщелины съ зыбкими мостиками чередовались съ обрывистыми спусками и крутыми подъемами. Въ сторонѣ кое-гдѣ среди горъ виднѣлись небольшіе кишлаки, указывавшіе на сравнительно густое населеніе.

— Много людей здѣсь въ волости живетъ?

— Много, тюра, я самъ изъ этихъ мѣстъ. А сколько ихъ, не знаю, кто ихъ считалъ. Одинъ родится, другой умираетъ. Волостной въ книгу пишетъ только съ кого подать собираетъ. Бабъ-же и дѣтей не считаютъ — не для чего. Аллахъ знаетъ сколько ихъ.

Невольно слыша такой отвѣтъ, вспомнилось, что хотя край этотъ присоединенъ къ Россіи больше тридцати лѣтъ тому назадъ, но туземному населенію никакого учета не ведется. И самая статистика его представляетъ собою до сихъ поръ какую-то сводку, дѣлаемую на основаніяхъ до нельзя шаткихъ, такъ какъ свѣдѣнія, представляемая назначенной администраціей изъ туземцевъ, не могутъ заслуживать особаго довѣрія, вслѣдствіе опять таки полного отсутствія записей о рождаемости и смертности даннаго раіона, въ которомъ никакихъ метрическихъ книгъ не ведется, благодаря чему къ раньше представленнымъ свѣдѣніямъ за предыдущій годъ прибавляются и убавляются цифры совершенно произвольно.

Независимо этого, родовыхъ фамилій у туземнаго населенія не имѣется и къ имени каждаго лишь въ рѣдкихъ случаяхъ добавляется имя отца, что создаетъ зачастую большую путаницу въ дѣлахъ, въ особенности при выборахъ на должности, при которыхъ не только трудно установить имя и родъ извѣстнаго лица, но даже опредѣлить его права въ выборахъ, въ которыхъ по закону могутъ принимать участіе лишь лица не моложе 25 лѣтъ, въ силу чего, помимо удостовѣренія сосѣдей, приходится иногда опредѣлять лѣта и по внѣшнему виду.

Еще хуже поставлено дѣло опредѣленія возраста въ случаяхъ подсудности, въ которыхъ наказуемость по закону для каждой категоріи лицъ извѣстнаго возраста различна. Въ имущественныхъ дѣлахъ по наслѣдству приходится встрѣчаться съ огромными трудностями по выясненію родства, такъ какъ фамилій въ нашемъ значеніи, какъ раньше сказано, не существуетъ, а имя отца, являющееся отчествомъ какъ бы замѣняетъ въ то-же время фамилію, вслѣдствіе чего оказывается, что у сына, отца и дѣда фамиліи бываютъ совершенно различныя.

По отношенію-же женщинъ опредѣленіе родства уже никакимъ изслѣдованіямъ не поддается и всецѣло во всѣхъ дѣлахъ приходится опираться на свидѣтельскія показанія, такъ какъ отчество жены можетъ быть и по отцу, и по мужу, и по матери. Лѣта же опредѣлить вообще крайне трудно, въ особенности если принять во вниманіе, что за исключеніемъ муллъ никто даже не знаетъ, въ которомъ году родился.

— Я родился въ тотъ годъ, когда было землетрясеніе и горы падали въ Заравшанъ, сообщаетъ спрошенный объ этомъ сѣдобородый таджигъ.

— А я, когда саранча летѣла тучами черезъ горы къ Махраму.

— Сколько-же тебѣ лѣтъ?, спрашиваетъ вы, заинтересовавшись глубокимъ старикомъ, съ зеленоватою отъ старости бородою.

— О, тюра, мнѣ лѣтъ много... Больше 40, съ своей точки зрѣнія опредѣленно отвѣчаетъ спрашиваемый.

Наименованіе годовъ по именамъ 12 животныхъ — нѣчто вродѣ знаковъ зодіака — производитъ еще большую путаницу, въ которой лишь при цѣломъ рядѣ справокъ въ книгахъ можно опредѣлить время рожденія.

«Онъ родился въ годъ змѣи, годъ быка, въ годъ лошади, почти постоянно слышатся отвѣты на вопросы о лѣтахъ.

И только, вычисливъ повторяемость этихъ годовъ за извѣстный промежутокъ времени, можно опредѣлить возрастъ, сдѣлавъ при этомъ иногда ошибку лѣтъ на двѣнадцать. Лишь простота формъ жизни населенія даетъ возможность лавировать среди этой неразберихи, но все же при этомъ не обходится зачастую безъ несправедливостей и нарушеній законовъ; при этомъ, надо думать, установленіе порядка записи рождаемости и смертности среди туземнаго населенія вопросъ уже достаточно назрѣвшій.

Отъ кишлака Постигау дорога идетъ по правому берегу рѣки, но есть такая же на лѣвомъ берегу, хотя настолько трудная, что проводникъ совѣтовалъ ѣхать дорогой, идущей по правому берегу до кишлака Вешаба, гдѣ можно переѣхать на лѣвую сторону.

Погода, бывшая ясною съ утра, къ вечеру рѣзко перемѣнилась. Откуда-то сорвавшійся вѣтеръ заревѣлъ и завылъ, ни на минуту не смолкая.

Будто живыя, заговорили окрестныя горы и ущелья. Темныя тучи нависли со всѣхъ сторонъ, закрывая собою горизонтъ. Порою вдали слышались какъ будто глухіе пушечные выстрѣлы. Пыль, поднимавшаяся густыми клубами, носилась въ воздухѣ. Узкая конная тропа казалась еще уже, но лошади шли увѣреннымъ шагомъ, и лишь иногда останавливаясь и выжидая, когда вихрь пронесетъ пыль.

Старый аксакаль ѣхалъ впереди, бормоча что-то себѣ подъ носъ, повышая голосъ при особенно сильныхъ ударахъ.

«Горуту-Маруту! заступники рода людского передъ Аллахомъ, усмирите злого иблиса и отвратите гнѣвъ его отъ насъ грѣшныхъ, громко произнесъ онъ, когда колоссальный зигзагъ молніи, прорѣзавъ темноту тучи, вспыхнулъ будто огромное зарево на краю горизонта.

— Горуту-Маруту, опять зашепталъ онъ свои заклинанія, по-нукая лошадь.

— Кто это, Горута и Марута?

— Ахъ, тюра, это сильные джины, которые были покровителями царственнаго города Вавилона и они одни могутъ защитить людей отъ злыхъ духовъ, посылаемыхъ иблисомъ. Старшій мулла изъ Вешаба мнѣ самъ рассказывалъ изъ священныхъ книгъ, что нѣтъ ихъ сильнѣе передъ Аллахомъ.

Проѣхавъ за день кишлаки Пакшивъ и Собакъ, поздно вечеромъ мы добрались на ночлегъ до кишлака Мандруникать, пріютившагося около берега рѣки и насчитывающаго десятка три сакель. Не-

большая водяная мельница, поскрипывая своими снастями и перебрасывая черезъ колеса воду, глухо шумѣла.

Рѣка, наполнившаяся водою отъ дождей, прошедшихъ гдѣ-то выше въ горахъ, съ ревомъ несла свои волны, среди которыхъ виднѣлись цѣлыя деревья, снесенныя съ горъ.

Огромный тутъ, развѣсисто разросшійся и образовавшій своими сучьями навѣсъ, черезъ который не проходили капли дождя, пріютилъ подъ собою небольшую постройку. Все дерево было сплошь увѣшано цвѣтными лоскутьями, обрывками тряпокъ и кусками ваты.

— Что это такое, для чего такъ дѣлаютъ? спросилъ я, слѣзая съ лошади и указывая на дерево, казавшееся какимъ-то необыкновеннымъ при мигающемъ свѣтѣ фонаря.

— Это, тюра, святое дерево, отвѣтилъ аксакаль, привязывая лошадь къ приколу. Люди вѣшаютъ на него всѣ эти вещи, прося у Аллаха покровительства и помощи. А кто богаче, то ставитъ подъ нимъ зажженные свѣчи и тогда они горятъ во славу святого дерева. Сами беки Кагистанскіе говорятъ старые люди, пріѣзжали въ эти мѣста помолиться святому дереву и погрузиться подъ его темными вѣтвями въ моръ размышленій. Здѣсь-же недалеко въ горахъ есть мѣсто, гдѣ жилъ Батырь Рустемъ... Ты слышалъ про него, тюра? Это былъ великій Хозреть, равнаго которому не было и нѣтъ. Взоръ сердца его былъ обходителемъ для друзей, а рука тяжела для враговъ. Мечъ острый, какъ бритва, косилъ головы ихъ, какъ серпъ срѣзаетъ спѣлые колосья пшеницы. Стрѣлы, пущенныя имъ изъ лука, достигали до самыхъ высокихъ снѣжныхъ вершинъ нашихъ горъ; справедливость его къ богатымъ и бѣднымъ была подобна лучамъ солнца, одинаково ласкающимъ всѣхъ людей. А конь его былъ подобенъ Дуль-Дюлю-Али Льва Божьяго и на всемъ длинномъ жизненномъ пути всѣхъ народовъ не было другого такого воина. Будто лютый Джуль-Барсъ бросался онъ на враговъ, а, побѣдивъ ихъ, былъ съ ними ласковъ, какъ голубь. Люди говорятъ, что онъ ушелъ въ середину высокой горы, гдѣ спитъ крѣпкимъ сномъ до тѣхъ поръ, пока звукъ трубы Джебраила не подниметъ его вмѣстѣ со всѣми святыми, а люди въ это время умрутъ всѣ и будетъ тогда конецъ міра. Но, тюра, усталъ, поэтому теперь необходимо хорошенько отдохнуть послѣ дороги; здѣсь есть помѣщеніе, добавилъ онъ, толкая ногою дверь и открывая какую-то темную, страшно закопченную дымомъ комнату, имѣвшую больше сходства съ сараемъ.

Фонарь бросалъ слабый свѣтъ, освѣщая лишь небольшое пространство около себя, а дальше все тонуло во мракѣ. Дымъ мангала наполнялъ воздухъ, затрудняя дыханіе и вынуждая лежать на землѣ. Закусивъ лепешками изъ ячменной муки и выпивъ нѣсколько стакановъ мутнаго чаю, мы почти моментально погрузились въ сонъ, утомленные тяжелой дорогой.

Г л а в а V.

Ягнобъ—Обурданъ.

Громкіе стоны, раздавшіеся гдѣ то за стѣной почти рядомъ съ нами, заставили меня проснуться. Ужасные за душу хватающіе стоны. Видимо кто-то рядомъ страдалъ страшно.

— Что это такое? Кто стонетъ?

Нуретдинъ и аксакаль, заслышавъ, что я проснулся, зашевелились.

— Ничего, пусть, тюра, спать себѣ спокойно. Такъ кричитъ одинъ человѣкъ. Вчера ему камнемъ ногу разбило. Ну, онъ и кричитъ. Отчего-же не кричать, если больно, резонерствовалъ своеобразный философъ, не придавая никакого значенія чужимъ страданіямъ.

— Можетъ быть помощь нужна?— снова спросилъ я.

— Нѣтъ, вѣдь тюра не докторъ. А доктора нѣтъ. Докторъ въ Пянджентѣ живетъ. Табиба (туземнаго доктора) нѣтъ. До Пянджента далеко. Былъ здѣсь недавно нашъ сартрашъ (брадобрѣй), но только онъ ушелъ въ Ягнобъ и теперь его нѣтъ. А тому человѣку должно быть Аллахъ помирать приказалъ, равнодушно добавилъ онъ, раздувая огонь въ мангалѣ. Кому приказано умирать, тому ни докторъ, ни табибъ, ни сартрашъ не помогутъ, увѣренно подтвердилъ онъ, ставя чайникъ на мангалъ.

Вставъ и взявъ фонарь, я вышелъ на дворъ.

Вѣтеръ прекратился и темное небо было усыяно мириадами звѣздъ, свѣтившихъ полнымъ блескомъ и казавшихся огромной величины. Мягкій мерцающій свѣтъ ихъ лился непрерывными потоками, тускло освѣщая окрестности. Неясными абрисами выдѣлялись ближайшія вершины горъ, а дальше все тонуло во мракѣ. Полная тишина царствовала надъ кишлакомъ и лишь листва деревьевъ лѣниво вздрагивала порою отъ незамѣтнаго движенія воздуха.

Рядомъ, въ крохотномъ сарайчикѣ, прикрытый какимъ-то тряпьемъ, лежалъ чернобородый молодой еще таджикъ. Кусокъ кошмы прикрывалъ его ноги. Осторожно поднявъ край, я съ ужасомъ отстранился, увидѣвъ, что вся нога представляла собою массу раздробленныхъ костей, окруженныхъ раздавленными клочьями мяса, покрытаго запекшейся кровью.

Раненый уже впалъ въ забытье... Темная синева окружала глазныя впадины и смерть уже витала надъ его изголовьемъ. Съ грустнымъ чувствомъ пришлось уйти, сознавая свою полную безпомощность и въ тоже время вспомнить, что отсутствіе врачебной помощи туземному населенію принадлежитъ къ числу большихъ пробѣловъ въ жизни областей Туркестанскаго края, имѣющаго вездѣ лишь одного врача и трехъ-четырехъ фельдшеровъ на цѣлый уѣздъ, почти равняющійся по пространству губерніи внутренней Россіи.

— Скоро Азраилъ вынетъ его душу, задумчиво сказалъ аксакаль, ни къ кому не обращаясь; я также ходилъ смотрѣть и чувствовалъ холодный шелестъ бѣлоснѣжныхъ крыльевъ посланника Аллаха... Табибъ, докторъ и сартрашъ бесполезны...

— Почему же ты вспоминаешь ихъ?

— Ахъ, тюра, человѣкъ слабъ и всегда вспоминаетъ тѣхъ, кто можетъ ему помочь... Докторъ много знаетъ, много помогаетъ. Табибъ нашъ докторъ, меньше знаетъ, меньше помогаетъ. А сартрашъ— онъ иногда лучше доктора и табиба. Есть такіе, что много знаютъ и много помогаютъ.

— Что-же собственно такое сартрашъ?

— Это, тюра, уста (мастеръ), который, когда нужно, голову брѣть, нужно кровь пускаетъ, пиявки ставитъ, зубъ больной вынимаетъ, но только онъ много знаетъ. Отецъ учитъ сына. Сынъ своего сына и такъ сартрашъ свою науку передаетъ одинъ другому; долго, очень долго учится, а уже потому самъ дѣлается устою и людямъ помогаетъ, какъ сказано въ его рисалѣ-и-сартарашъ (наставленіе). Главное слово онъ такое знаетъ, скажетъ его—кровь перестаетъ идти; пиявка не хочетъ кусать правовѣрнаго—пошепчетъ—она кровь пьетъ. Это слово онъ и передаетъ сыну, когда уже Азраилъ за его душою приходитъ. Молитвъ онъ много знаетъ, и отъ порчи и отъ всѣхъ болѣзней знаетъ и людямъ помогаетъ. Только мало такихъ устовъ: у насъ здѣсь былъ одинъ, но умеръ. Другого и нѣтъ больше. Въ Ягнобѣ людей много, онъ туда жить пошелъ.

— Гдѣ же это Ягнобъ? Далеко?

— Близко совсѣмъ, можетъ быть, верстъ пятьдесятъ будетъ, не больше, вотъ, за гѣми горами, что стоятъ на полудень, тамъ и будетъ Ягнобъ. Прежде городъ былъ, а теперь большой кишлакъ. Беки тамъ жили въ старой калѣ, только теперь волостной живетъ, а послѣдній бекъ ушелъ въ Кашгаръ, когда урусы войной приходили. Хорошія мѣста за Ягнобомъ и людей живетъ много... Дороги туда нехорошія, хуже, чѣмъ у насъ и трудно идти по горамъ.

Окруженная съ сѣвера Заравшанскимъ хребтомъ, а съ юго-запада и востока Гиссарскимъ, долина Ягноба закрыта со всѣхъ рѣшительно сторонъ этими горами, благодаря чему въ свое время это было независимое владѣніе, имѣвшее своего бека, находившагося въ родствѣ съ Гиссарскими мирами и непризнававшего надъ собою власти Бухары.

Орошенное небольшою горною рѣкою Ягнобъ-Дарьей, впадающей въ Фанъ-Дарью, притокъ Заравшана, владѣніе это жило своею особою жизнью, имѣя крайне рѣдкія сношенія съ своими сосѣдями. Во время Искандеръ-Кульской экспедиціи, Ягнобъ былъ присоединенъ къ Россіи, вмѣстѣ съ бекствами Матчинскимъ, Фанскимъ и Фальгарскимъ, войдя въ составъ Заравшанскаго округа, а затѣмъ Самаркандской области.

Отъ Мардруниката до Постингау дорога пролегла по правому берегу рѣки, все время пересѣкая рядъ небольшихъ возвышенностей. Горы постоянно измѣняли свой видъ и цвѣтъ: то выдѣляясь сѣрыми мертвыми каменными массивами, переходившими кое-гдѣ въ красноватые и голубоватые тоны, то имѣя видъ небольшихъ мягкихъ холмовъ, покрытыхъ камнями. Но самая дорога лишь при большой снисходительности могла претендовать на такое названіе. Карнизы съ головокругительными мостами чередовались съ балконами, а далѣе совершенно неожиданно тропа вдругъ разомъ круто поднималась на страшную высоту, гдѣ перебрасывалась черезъ переваль, вилась винтомъ, уходя въ глубокое и мрачное ущелье.

Изрѣдка попадались навстрѣчу люди; небольшіе крѣпкіе ослики, твердо и увѣренно ступая своими будто изъ желѣза скованными ногами, несли на своихъ спинахъ большіе выюки, будто шутя безъ всякаго труда поднимаясь на горы. Крѣпко сложенные мускулистые горцы-таджики, подгоняя ишаковъ, шли сзади пѣшкомъ, свободно поднимаясь на крутые подъемы и видимо и люди, и животныя настолько освоились съ горными дорогами, что онѣ для нихъ казались совершенно ровными и удобными для движенія.

Открытый смѣлый взглядъ таджиковъ рѣзко отличалъ ихъ отъ ихъ же соплеменниковъ, подданныхъ благородной Бухары, до крайности приниженныхъ. Чувствовалось во всемъ, что тридцатилѣтняя жизнь подъ властью Россіи дала имъ сравнительно большее благосостояніе, обезпеченное отсутствіемъ того дикаго произвола бековъ и другихъ административныхъ лицъ, который встрѣчается на всей обширной территоріи Бухарскаго ханства.

Отъ кишлака Постингау, черезъ переваль Обурданъ, идетъ дорога на Учукъ, на Янги-Арыкъ и въ Ура-Тюбе, бывшее крѣпостью, изъ-за которой между Бухарою и Коканомъ велись долгія и кровопролитныя войны.

Почти постоянно, то Ура-Тюбе присоединялся къ Коканскому ханству, то снова брался приступомъ бухарцами, а защитники его частью истреблялись, а частью искали спасенія въ бѣгствѣ и перейдя переваль Обурданъ, укрывались въ горахъ Туркестанскаго и Заравшанскаго хребтовъ, заглядывая и въ кишлаки, расположенные по Заравшану.

Растительность между ними встрѣчалась все больше и больше, а площади обработанной земли пестрѣли на горныхъ склонахъ, указывая на сравнительную зажиточность населенія.

Кишлакъ Обурданъ, окруженный куртиною зелени, красиво видѣлся на фонѣ горъ, такъ и просаясь на полотно. Благодаря удачной свѣтовой комбинаціи, онъ былъ виденъ изъ далека.

Оба хребта: Заравшанскій и Туркестанскій тянулись съ сѣвера и съ юга почти параллельно бѣлѣя своими снѣговыми вершинами. Цѣлая система мелкихъ рѣчекъ и ручьевъ постоянно преграждала дорогу, журжа по камнямъ своею свѣтлою и холодною водою. Разнообразные цвѣта и оттѣнки камней, лежавшихъ въ водѣ, представляли собою красивую картину. Вымытые изъ пластовъ конгломератовъ и обточенные водою первозданныя горныя породы діоритовъ и диабазовъ пестрѣли въ глазахъ, пріобрѣтая отъ воды особенно яркую окраску.

Вдали за Обурданомъ длинною лентою вытянулся какой-то караванъ, шедшій по направленію къ Вешабу и ясно видѣвшійся на подъемѣ. Звуки пѣнія порою доносились къ намъ вѣтромъ.

— Что это такое Нуретдинъ? спросилъ я аксакала, что за люди?

— Паломники, тюра, идутъ въ Мекку изъ здѣшнихъ мѣстъ, совершая священный хаджъ. Отъ Самарканда поѣдутъ они по желѣзной дорогѣ и должны непременно къ февралю быть въ Меккѣ, такъ какъ въ это время у священной горы Арофа, стоящей рядомъ съ

городомъ, собираются всѣ правовѣрные мусульмане вспомнить прародителей всего человѣчества, Адама и Еву, которые въ этомъ мѣстѣ впервые жили послѣ изгнанія ихъ изъ рая, и здѣсь же Джебраиль училъ ихъ молиться Аллаху. Потомъ паломники идутъ въ священную долину Мина, гдѣ пророкъ Ибрагимъ приносилъ Аллаху въ жертву сына своего Исаака и здѣсь, молясь Аллаху, убиваютъ жертвенныхъ животныхъ въ честь его. А потомъ избиваютъ Иблиса камнями. Долго они молятся, цѣлуютъ священный камень въ Каабѣ и кланяются могилѣ великаго пророка Аллаха-Ибрагима. Много, очень много надо денегъ, чтобы совершить священный хаджъ и получить званіе хаджи, отворяющее послѣ смерти двери въ райское блаженство. И я бы пошелъ, да не могу, вздохнулъ старый аксакаль. Нужно для этого по меньшей мѣрѣ полтысячи русскихъ рублей, а у меня ихъ нѣтъ. Очень много на наши деньги, такъ много, что и не сосчитаешь.

— Значить, только богатые ѣздятъ въ Мекку?

— Ахъ нѣтъ, тора, не богатые, а усердные, нѣкоторые все продаютъ, что скопили за свою долгую жизнь и ѣдутъ, потому что каждому передъ смертью нужно хорошенько заглянуть въ свою душу и очиститься отъ грѣховъ передъ тѣмъ, какъ уйти въ вѣчность.

Хаджъ, принадлежа къ числу древнихъ установленій народностей арабско-семитскаго происхожденія, получилъ особенное развитіе среди мусульманъ послѣ смерти Магомета. Священная Кааба въ Меккѣ издавна представляла собою мѣсто, особо почитаемое семитами, вѣровавшими, что въ ней находится камень, принесенный Ангелами съ неба. Самъ Магометъ упоминаетъ въ Коранѣ о томъ, что въ Каабѣ онъ видѣлъ огромное количество идоловъ, изъ которыхъ особенно чтимыми были Иштаръ или Астарта, изъ чего можно заключить, что они явились остатками вѣрованій ассиро-вавилонянъ, жившихъ по сосѣдству и частью въ самой Аравіи. Смерть Магомета и долгое пребываніе его въ Меккѣ, а также и вѣрованія, что здѣсь же жили пророки Авраамъ, Ной, Исаакъ, создали особый ореолъ этому мѣсту, на поклоненіе святынямъ котораго двигаются мусульмане всего міра.

Самое же значеніе этого паломничества для мусульманъ огромно, давая наглядное доказательство величія Ислама и наглядно указывая на солидарность его послѣдователей между собою. Намѣстникъ пророка на землѣ, султанъ турецкій, приобрѣтаетъ при этомъ особое значеніе въ глазахъ мусульманъ, какъ владѣтель-

охранитель священнаго мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ глава мусульманства всего міра. И, такимъ образомъ, Исламъ, съ помощью своихъ учителей, крайне фанатически настроенныхъ, держитъ при помощи хаджѣвъ весь мусульманскій міръ въ своихъ рукахъ, служа источникомъ питанія тѣхъ идей мусульманскаго сепаратизма, который замѣчается среди мусульманства всѣхъ странъ въ послѣднія десятилѣтія.

Многочисленные религіозно-политическія общества, изъ которыхъ общество Сенуси, насчитывающее до 30 милліоновъ членовъ, играютъ не послѣднюю роль въ этомъ дѣлѣ, въ значительной степени поддерживаемую щедрыми пожертвованіями, собираемыми во всѣхъ странахъ, а въ особенности съ паломниковъ.

Нельзя не сказать также, что самое паломничество для русскихъ мусульманъ страшно разорительно и по свѣдѣніямъ нашего консула въ Джебѣ⁴⁾ въ среднемъ паломники изъ Россіи въ числѣ отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ, прибывающихъ каждый годъ въ Мекку, вывозятъ изъ русскихъ предѣловъ сумму отъ 7 до 8 милліоновъ рублей ежегодно, подвергаясь во все время дороги и въ самой Меккѣ страшной эксплуатаціи различныхъ агентовъ, а также и турецкихъ властей, кои во время пребыванія хаджѣвъ на турецкой территоріи считаютъ ихъ подданными султана, рѣшая всѣ ихъ дѣла и взимая подати и сборы.

Неблагопріятныя санитарныя условія жизни въ Меккѣ, огромная скученность прибывающихъ ведетъ къ тому, что сами по себѣ Мекка и Медина превращаются въ очаги заразы, въ которыхъ періодически вспыхиваютъ различныя эпидемическія болѣзни, вырывающія изъ рядовъ паломниковъ до 30 процентовъ. Эта огромная смертность тоже служитъ на пользу Меккскому духовенству и администраціи, которыя сами рѣшаютъ даже дѣла о наслѣдствахъ русскихъ подданныхъ мусульманъ, умершихъ въ Меккѣ, оставляя при этомъ огромныя суммы денегъ въ свою пользу.

Необходимость усиленія контроля со стороны всѣхъ представителей Европейскихъ державъ, вродѣ существующаго въ Палестинѣ, вопросъ достаточно назрѣвшій, но къ несчастью въ полной мѣрѣ до сихъ поръ не рѣшенный, несмотря на обширную о немъ литературу.

Нагнавъ въ самомъ Обурданѣ группу паломниковъ, аксакаль вступилъ съ однимъ въ разговоръ.

— Сала-Маликемъ!!

⁴⁾ Консульскія донесенія за 1901—1905 гг.

— А гдѣ же Мулла-Нурмать? Что то его не видно съ вами, спросилъ онъ про какого то знакомаго.

— Мулла-Нурмать, Ата (отецъ), поѣхалъ черезъ Рустахъ и Афганистанъ, такъ какъ онъ повезъ своего отца и брата, умершихъ въ прошломъ году. Уруссы не разрѣшаютъ перевозить умершихъ по своей дорогѣ, между тѣмъ похороненные въ священной долинѣ Мина около Меккѣ, какъ ты самъ знаешь Ата, имѣютъ преимущественное положеніе среди умершихъ и, лежа рядомъ съ прародителями, будутъ пользоваться ихъ заступничествомъ передъ Аллахомъ.

— Вотъ здѣсь въ этомъ кишлакѣ я былъ съ русскими войсками больше 35 лѣтъ тому назадъ, указавъ, прерывая рассказъ аксакала, Нуретдинъ. Тогда много собиралось здѣсь народа, которые хотѣли помогать Коканскому хану противъ русскихъ. Но только ничего имъ не удалось сдѣлать, потому что русскіе выслали много войскъ изъ Ура-Тюбе черезъ Обурданскій переваль и изъ Самарканда. Вотъ здѣсь на этихъ высотахъ стояли коканскіе люди и матчинцы, построившіе укрѣпленіе по горѣ, указавъ онъ рукой на высокий хребетъ, господствовавшій надъ Обурданомъ. Тысячъ пять ихъ было, но только все же русскіе пошли на нихъ въ штыки. Много стрѣляли тогда и мирныя вершины Заравшанскихъ горъ увидѣли тогда рѣки крови. Убитые валялись по всеѣмъ горамъ.

Недалеко отъ киш. Обурдана, помню хорошо, вонъ въ той долинѣ, похоронили потомъ русскихъ солдатъ. Пушки русскихъ, что возять на спинахъ у лошадей, несли смерть и не выдержали толпы матчинцевъ. Когда они бѣжали, то много скота мы собрали и продали.

Поровнявшись съ долиною, въ которой по словамъ Нуретдина покоится прахъ русскихъ людей, положившихъ свою жизнь при завоеваніи этого далекаго края, я невольно снялъ шапку, отыскивая глазами хотя бы слѣдъ могилъ покоренныхъ здѣсь солдатъ, но совершенно ровная поверхность не имѣла признаковъ могильныхъ насыпей, очевидно сровнявшихся съ остальною мѣстностью.

Въ 1873 году волненія въ Матчѣ вынудили двинуть сюда русскіе отряды, изъ которыхъ отрядъ полковника Яфимовича, изъ Ура-Тюбе перейдя огромный снѣжный переваль, появился на Заравшанѣ въ тылу у большого скопища матчинцевъ и коканцевъ, собравшихся противъ русскаго отряда, шедшаго изъ Самарканда. 28 ноября, подойдя къ киш. Обурдану, отрядъ двинулся на штурмъ укрѣпленій, занятыхъ непріателемъ въ числѣ болѣе 2,000 человекъ. Страшныя крутизны не остановили Туркестанскихъ стрѣлковъ и линейцевъ и,

несмотря на значительныя потери, штурмовая колонна, какъ лавина, поднялась на горы и смела съ нихъ непріателя, обратившагося въ безпорядочное бѣгство. Лишь смерть начальника колонны храбраго штабсъ-ротмистра Коневского, убитаго во время штурма, омрачила радость побѣды, въ которой отличился выдающеюся храбростью, бывший въ то время поручикъ, потомъ генераль Кашталинскій.

Наказавъ жителей кишлаковъ Обурдана, Постингау, Ривомуть, Матча, отрядъ возвратился черезъ Вешабскій переваль въ Ура-Тюбе.

— Вотъ здѣсь, тюра, около этой мечети стояла кибитка генерала Абрамова, когда онъ въ слѣдующемъ году проходилъ съ войсками по кишлакамъ, чтобы наказать непокорныхъ. Я тогда около него все время находился и медаль мнѣ самъ генераль далъ, похвастался Нуретдинъ. Медаль вотъ цѣла, указавъ онъ на шею, на которой на шнуркѣ висѣла серебряная медаль за усердіе. А только ленты на ней нѣтъ. Износилъ давно.

Кишлакъ Обурданъ принадлежитъ къ числу значительныхъ по количеству населенія пунктовъ. Находясь на дорогѣ между Ура-Тюбе и Ягнобомъ, онъ издавна служилъ мѣстомъ, черезъ которое совершали свой путь торговцы съ товарами, привозившими въ эту дикую горную страну многіе предметы необходимости и роскоши.

Высокій Обурданскій переваль, достигающій высоты до 12 тысячъ футовъ, проходимъ во всякое время года, кромѣ зимы, когда снѣга его заваливаютъ почти совершенно и сообщеніе съ Ура-Тюбе прекращается почти на три мѣсяца. Тоже самое бываетъ и съ Вешабскимъ переваломъ, который сравнительно ниже Обурданскаго, но снѣжныя мятели въ зимнее время года на высотахъ заваливаютъ часто и его весьма огромными снѣгами.

Заросли по горамъ выдѣлялись темными пятнами, покрывая склоны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣя видъ значительнаго лѣса. Каменистыя осыпи, по которымъ вилась дорога, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали ее трудно для движенія. Сдвинутая съ мѣста порою пѣлая масса мелкихъ камней осыпалась внизъ, увлекая большіе камни, съ грохотомъ падавшіе затѣмъ внизъ и, поднимая столбъ пыли, исчезавшіе въ расщелинахъ. Огромныя стада козъ паслись на склонахъ, карабкаясь на страшныя крутизны карнизовъ, разыскивая себѣ кормъ. Представляя собою разновидность тибетской козы, горная коза, разводимая мѣстами населеніемъ, даетъ большое количество мягкой тонкорунной шерсти, отличающейся при этомъ нетребовательностью въ уходѣ и значительною молочностью, въ силу чего

и разводится всѣмъ населеніемъ по Заравшану и въ другихъ мѣстахъ Бухары и Самаркандской области. Рогатый же скотъ, служа преимущественно для полевыхъ работъ, отличается мелкорослостью.

— Здѣсь придется пѣшкомъ идти немного больше версты. Не-хорошее мѣсто, вода все размыла, слѣзая съ лошади проговорилъ нашъ проводникъ.

Я послѣдовалъ его примѣру, и, ведя коней въ поводу, переходя черезъ глубокія промоины, съ большимъ трудомъ подвигались мы впередъ, по этому карнизу, казавшемуся безконечнымъ.

Иногда на поворотахъ тропинка суживалась и въ этихъ мѣстахъ невольно сжималось сердце, каждый ударъ котораго былъ ясно слышенъ.

И невольно въ такіе моменты утрачивалось желаніе къ такимъ рискованнымъ путешествіямъ...

Но потомъ эти моменты скоро забывались и страсть къ странствованіямъ пробуждалась съ новою силою.

А вспоминая по пріѣздѣ домой всѣ впечатлѣнія, видѣнныя картины, обсуждалась новая поѣздка въ горныя ущелья Кагистана, манившія своею неизвѣстностью...

Д. Н. Логофетъ.

